

נכתב בישראל
НАПИСАНО В ИЗРАИЛЕ

МИХАИЛ ТОКАРЬ

БЕССЛОВЕСНЫЙ
ОСТРОВ

роман-фантазия

книга
ספר

Израиль

2024

МИХАИЛ ТОКАРЬ

БЕССЛОВЕСНЫЙ ОСТРОВ

Роман-фантазия

ПРОЕКТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«КНИГА СЕФЕР»

Издатель: *Виталий Кабаков*

Редактор проекта: *Алла Борисова-Линецкая*

Верстка, оформление, марка серии:

Юлия Дозорец

ГЛАВА 1

Леонид проснулся в 6.29, ровно за минуту до звонка будильника. Хотя он был уверен, что не проспит, но привычку ставить звонок не отменял. Лео сладко потянулся, потом резко поднялся с постели, несколько раз плотно сжал и разжал кулаки, чтобы окончательно проснуться. Он снял фланелевую пижаму с рисунком из разноцветных геометрических фигур и аккуратно повесил ее на спинку стула. Затем, по строго заведенной привычке, пошел в душ, тщательно отрегулировал температуру воды, чтобы была приятной, чуть теплой. Недолго, но с удовольствием помылся под бодрящими струями, растерся до красноты жестким полотенцем.

После душа он придирчиво глянул в зеркало. На него смотрел молодой человек со строгим лицом. У него была практически идеальная внешность, если не считать небольшого красноватого родимого пятна посередине лба. Пятно немного выступало над поверхностью кожи и было покрыто жесткими короткими волосками. Леонид предпочитал называть его латинским словом «невус». Когда-то в детстве это родимое пятно было предметом его переживаний. Дети смеялись над ним, оскорбляли, называли «роботом» из-за того, что жесткие волоски вызывали ассоциацию с антеннами. Дети ведь умеют быть злыми по отношению к тем, кого выбрали объектом насмешек. Лео помнил, как плакал от обиды, как умолял маму что-нибудь сделать, чтобы его внешность не вызывала у детей смех, и они перестали издеваться над ним, но маме всегда удавалось успокоить Лео. Она даже утверждала, что это «особый

знак, знак избранности». Лео не очень-то в это верил, но все же в материнских объятиях успокаивался.

Еще он с радостью вспоминал, как мама в далеком детстве рассказывала ему волшебные сказки, в которых сам Лео, будучи отважным рыцарем или храбрым принцем, сражался с драконами, злодеями и колдунами, путешествовал по волшебным странам, где обитали принцессы, эльфы, гномы. Мама неизменно называла Лео «мой маленький принц», и он до сих пор не забыл ее голос, запах ее волос...

Мама умерла, когда ему исполнилось пять лет. Он отчетливо, до самых мелочей, помнил этот день. Утром она, как обычно, отвела его в садик. К четырём часам, после обеда, всех детей в группе разобрали, и он остался один в раздевалке. Воспитательница его давно одела и нервно поглядывала в окно. Сидеть в раздевалке в жарко натопленном детском саду, одетым в теплую одежду, шапку и ботинки, было нестерпимо. Но воспитательница явно торопилась передать мальчика маме и потому заранее одела его. Было видно, как она сердилась на его маму, спрашивая его:

– Ну, где же она? Мне пора уходить.

Потом воспитательница вышла в соседнюю комнату, чтобы позвонить маме, но через несколько минут вернулась в раздевалку. Она выглядела ошеломленной и сказала Леониду сдавленным голосом:

– Лео, мальчик мой, твоя мама за тобой не придет.

– А почему мама не придет? – удивленно спросил Лео.

– Я не могу тебе сказать, но сейчас придет одна тетенька, она тебе все объяснит, – стараясь скрыть тревогу, ответила воспитательница.

– А можно, я разденусь? Очень жарко мне, – попросил ее Лео.

– Да, конечно, малыш. Снимай куртку и шапку, я тебе сейчас холодной водички налью.

И она поспешно выскочила на кухню, было видно, как ей тяжело смотреть ему в лицо.

Где-то через час приехала женщина средних лет, с серьезным лицом, одетая в строгий костюм. В руках у нее был черный дерматиновый портфель. Она сначала позвала воспитательницу в соседнюю комнату, там они о чем-то негромко поговорили, а потом эта женщина подошла к Лео и четким голосом сказала:

– Значит так, Леонид, я социальная работница из службы опеки. Дело в том, Лео, что твоя мама умерла, других родственников у тебя нет, поэтому мы оформляем тебя в детский дом.

– Неправда, все вы врете! Моя мама не могла умереть, она меня сегодня утром привела в садик, она не болеет! – в истерике закричал он и бросился к выходу, но воспитательница успела схватить его за руку и усадила на скамейку, а сама села рядом, больше не отпускающая его, пока с ним не закончит разговаривать работница службы опеки.

Женщина спокойно и холодно ответила:

– Не надо истерики, я повторяю: твоя мама умерла сегодня днем. Это был сердечный приступ, она сразу умерла. И не надо так переживать, о тебе позаботятся в детском доме.

И обернувшись к воспитательнице, сказала:

– Помогите мальчику собраться и принесите его документы. Он поедет со мной.

И Лео со страхом поехал с этой злой теткой. После смерти мамы он и в правду остался один на этом свете. У него не было ни бабушек, ни дедушек, ни теть, ни дядь, ни родных или двоюродных братьев и сестер, какие были у всех остальных детей в его группе или во дворе. Леонид вспоминал, что в детстве спрашивал маму об этом, и она всегда с грустной улыбкой отвечала:

– А разве нам плохо вдвоем? – и крепко сжимала его в объятьях.

И Лео в этот момент и сам ощущал, что это счастье – просто быть вместе с мамой, и никого другого им не

нужно. На вопрос об отце мама ему неизменно говорила, что «ты должен гордиться своим папой, он был героем, пожарным и погиб, спасая детей из огня», при этом каждый раз добавляя какие-то новые подробности его подвига.

Он не видел, как хоронили маму. Когда соцработница из службы опеки приехала вместе с ним в его квартиру, чтобы забрать «пару любимых игрушек», он услышал, как их соседка по подъезду говорила своей знакомой, показывая на него:

– Вон, он, сиротинка, остался один на этом свете...

И он попал в детский дом. После небольшой уютной квартиры, в которой он жил с мамой, с ковриками на полу, с написанными мамой акварельными картинками, с абажурами и кружевными занавесками на окнах, он попал в большой мрачный дом. В каждой комнате было много ребят, которые спали на стальных кроватях с продавленными, скрипящими панцирными сетками, поверх которых лежали тонкие бугристые матрасы. Стены были покрыты блестящей масляной краской неприятного зеленоватого цвета, местами краска отвалилась. В длинных коридорах детского дома всегда пахло хлоркой из-за регулярного мытья полов.

Первое время в детском доме было очень плохо. У всех детей была тяжелая судьба, они были озлоблены на весь мир и часто вымещали свою злость на слабых или новеньких, каким и был Лео. Воспитателей было мало, они были неплохими людьми, но по установленному порядку им запрещалось проявлять хоть какое-то подобие душевного тепла, ибо это, по мнению руководства детского дома, могло испортить воспитанников. Поэтому порядок поддерживали жесткой дисциплиной.

Поначалу дети смеялись над ним. За попытки рассказать о маме обзывали его «маменькиным сынком». Смеялись над его родимым пятном на лбу, называли

его «роботом». Ему было больно и обидно, мамы рядом не было и некому было пожаловаться, никто его не обнимал, не гладил по волосам. Первый год в детском доме он так и проплакал в одиночку, глядя в окно в конце длинного коридора, чтоб никто его не увидел и не услышал. Но детям часто надоедает травить кого-то одного, и они находят другой объект насмешек. Так было и с Лео. К тому же с возрастом он заслужил среди сверстников в школе статус грамотея, без проблем помогающего одноклассникам с домашними заданиями и контрольными. И поэтому главные хулиганы класса с уважением охраняли его, чтоб «никто не смел тронуть нашего профессора».

Все эти и горькие, и сладостные воспоминания о детстве, промелькнули перед Леонидом, когда он после душа зашел на кухню приготовить нехитрый холостяцкий завтрак. Над небольшим обеденным столиком висела фотография матери, он всегда завтракал, ужинал, а по выходным и обедал, глядя на эту фотографию, чтобы почувствовать, что он не один на этом свете и мама всегда рядом с ним. На него смотрело тонкое лицо, немного наклоненное вбок, обрамленное светлыми волнистыми локонами. Фотография была черно-белой, и Леонид часто пытался вспомнить, какого цвета у нее были волосы.

Иногда ему казалось, что они были соломенные, иногда светло-каштановые, и эта деталь почему-то никак не давала ему покоя. У мамы на фотографии были добрые грустные глаза, глядящие прямо на него. Все эти воспоминания о детстве немного отвлекли его, но тут он пришел в себя, даже встряхнул головой, чтобы вернуться в реальность. Через 15 минут надо было выходить на работу и ехать в офис строительной фирмы, где он несколько лет работал инженером-проектировщиком.

Леонид поджарил в тостере два кусочка хлеба, намазал на них тонкий слой сливочного масла и поло-

жил ломтики сыра. Потом сварил себе кофе в турке, добавил ложечку сахара.

Но вот завтрак закончен. Леонид надел плащ, убедился, что туфли сверкают, взял в руки не новый, но добротный кожаный портфель и отправился на работу. Немногим из выпускников его детского дома удалось выучиться, получить высшее образование. Большинство его одноклассников попросту сгинули, но, по правде говоря, Леонид и не старался поддерживать ни с кем из них никаких отношений. Вырвавшись из стен детского дома, он постарался как можно скорее забыть этот период, как будто его и не было в его жизни. После окончания школы он поступил в технический университет, отучился, нашел себе работу по специальности. И вот уже много лет работает в одной и той же солидной фирме, медленно, но уверенно продвигаясь по служебной лестнице, хотя карьера и не была в центре его интересов. Отношения с начальством были ровными, с коллегами он общался только по работе, стараясь не участвовать в общих вечеринках. После работы всегда спешил домой, в свою квартирку в пригороде столицы. А по вечерам или читал или занимался рассмотрением своей коллекции оловянных солдатиков. И так каждый день, в течение нескольких лет.

Ни за время обучения в университете, ни в период его работы в строительной фирме он не завел, да и не стремился завести себе друзей. С девушками у него тоже ничего не выходило, никто из них особенно не заглядывался на этого странного, замкнутого зануду, да еще и с неприятным пятном прямо посреди лба, которое невозможно было никак скрыть. Лишь один раз он пару месяцев встречался со своей однокурсницей, или по крайней мере он так считал. Их встречи ограничивались лишь консультациями по высшей математике и механике, она иногда ходила с ним в кинотеатр, но никогда не соглашалась погулять в парке или посидеть в кафе. Все его неуклюжие попытки перевести их

отношения в более романтическое русло неизменно и не всегда деликатно отвергались. Через два месяца она заявила:

– Лео, ты неплохой парень. Ты хороший товарищ, но я нашла себе любимого человека, со старшего курса университета, а поэтому нам придется расстаться навсегда.

ГЛАВА 2

В тот день Леонид вышел из подъезда в обычное время, ранним утром. Для того чтобы добраться до работы, ему надо было пересечь городской парк и пройти по центральной улице, которая упиралась в железнодорожную станцию, а потом с час ехать на пригородном поезде до столичного вокзала. А от него уже было рукой подать до офиса.

Вся эта длинная дорога была ему не в тягость, он любил рано утром пройтись по парку, встречая, в основном, бегунов и собачников, с которыми успел познакомиться. Ему нравилось, сидя в поезде, смотреть на виды из окна, отмечая про себя сезонные изменения природы, или обнаруживать по пути новые строительные площадки, критически оценивая своих коллег. А иногда он просто вынимал из портфеля книгу и под ритмический стук колес читал какой-нибудь немудреный авантюрный роман. Он обожал это время, когда можно было побыть наедине с самим собой, помечтать о чем-нибудь. На работе у него не было такой возможности, а домой он возвращался поздно, уставший, поэтому вечером на обратном пути он сладко забывался в поезде полудремой. Его коллеги сначала предлагали ему купить недорогой подержанный автомобиль, чтобы добираться на нем на работу вместо поезда, но он постоянно отнекивался, и те отстали от него, окончательно решив, что «Лео просто скряга». Но ему не было никакого дела до того, как они к нему относятся. На работе он занимался только работой, а вне ее он жил в своем фантастическом мире, с любимыми героя-

ми романов и армией оловянных солдатиков, принцев и принцесс.

Это было утро обычного рабочего дня, который, казалось, ничем не отличался от сотен других дней, что были до него и будут в будущем. Было еще рано, небо только начинало светлеть, приятно моросил мелкий дождик. Но, закрыв за собой дверь подъезда, он отчего-то абсолютно четко почувствовал, что сегодня обязательно произойдет нечто особенное, то, что возможно изменит его жизнь раз и навсегда. Сначала он подумал, что это предчувствие связано с его желанием познакомиться с юной выпускницей университета: чудным застенчивым созданием в веснушках, странно смотрящим на окружающих из-за очков в широкой темной оправе с толстыми линзами. В их конторе только такой, как Лео, мог обратить на нее внимание. Все остальное мужское население офиса сразу же определило ее как «серый чулок» и потеряло к ней всяческий интерес. Заливаясь румянцем, она застенчиво обращалась к другим за советами, поэтому Лео решил, что она тонкая, возвышенная натура и, возможно, им будет легко понять друг друга.

Лео шел обычной дорогой к станции по тому же парку, аллеи которого были усеяны золотыми и багряными, влажными от дождя листьями, по тем же тротуарам и пешеходным переходам, мимо тех же прохожих, которых он встречал каждый день. Но если раньше он видел лишь угрюмые, чуть сонные лица людей, спешащих на работу и погруженных в свои заботы, то в это утро он обращал внимание на каждого и ощущал мысли каждого:

– Вон тот мужчина средних лет, в сером пальто и в кепке, думает о предстоящей рыбалке в выходные. А эта женщина явно озабочена намеченными сокращениями в ее фирме. А вот задумчивая девушка: по ее лицу видно, что в ближайшие дни она ожидает, что ее парень сделает ей предложение.

Этот рой чужих мыслей в первый момент смутил его, но затем это стало даже увлекательно. Путь его вдруг расцвёл красками, звуками, настроениями. Обычная дорога до станции будто превратилась в прогулку в солнечный день по оранжерее с яркими тропическими деревьями, полной красок и запахов. А вместо трелей заморских птиц в его голове звенел шумный гомон чужих мыслей. Поначалу Лео пытался напрячься, чтобы разобрать эти чужие мысли, но спустя некоторое время оставил это занятие как бессмысленное и вызывающее лишь раздражение. Тогда он постарался отвлечься, читая про себя стихи, заученные еще в школе. Как ни странно, это помогло, и он смог хоть в какой-то степени отключиться от непонятного шума в голове. Он даже с удовлетворением отметил:

– А я-то всегда в школе думал: какая может быть польза от заучивания стихов? А вот надо же, пригодились.

Но когда Лео пришел на станцию, его накрыл и оглушил огромный поток мыслей, исходящих от множества людей. Каждый из них о чем-то думал, размышлял, мечтал. От этого наплыва чужих мыслей Лео не мог даже услышать свои собственные. Он не знал, что ему делать, сел на скамью, обхватив голову руками, как будто закрывая ее от этого шквала, но это не помогло.

– Да, ладони плохая защита. Нельзя просто так сидеть, надо поскорее уехать отсюда. Может быть, это какая-то местная аномалия и, уехав на работу, в свой офис, я убегу от нее. А потом посмотрим, что дальше делать. Может быть, это как-то само пройдет, как магнитная буря, повышенная солнечная активность или еще что-нибудь в таком роде. Если в офисе всё будет спокойно, а здесь останется этот ад, то вернусь, заберу свои вещи и перееду поближе к работе. Не может же случиться, что это глобальная телепатическая катастрофа. Так не бывает.

Леонид встал со скамьи и пошел на платформу. Но не на привычную, с которой поезда отходили в сторону столицы, а на другую, в направлении конечной станции пригородной линии. Сквозь невнятный гул чужих мыслей он отчетливо выловил одну, которая и направила Леонида на эту платформу. Противиться чужой навязанной мысли не было никакой возможности, и молодой человек вошел в прибывший поезд.

Людей было немного, все они заняли сиденья по краям вагона, а Леонид сел в центре. И поезд тронулся. Леонид ехал спокойно и уверенно, даже не задумываясь, для чего ему с самого утра добираться до конечной станции. Он знал наизусть всю эту линию, все ее станции, ездил ежедневно, кроме выходных, по ней уже несколько лет. Постепенно вагон пустел. Доехав до конца линии, машинист почему-то не объявил, что станция конечная, и поезд поехал дальше, преодолевая длинный туннель в кромешной темноте. К этому времени Леонид остался единственным пассажиром не только в вагоне, но и во всем поезде.

Довольно долго состав ехал в полной темноте. Туннель не был освещен, да и внутри вагона было темно, только горели тусклые лампочки у выхода. Внезапно поезд остановился. Сидеть во мраке, без движения было жутковато, но через несколько минут Леонид увидел, что впереди локомотива появилась узкая полоска ослепляющего света, которая постепенно расширялась. До него донесся мерзкий раздражающий лязг от пришедших в движение железных ворот. Через пару минут створки ворот распахнулись до конца и поезд двинулся вперед по узкому железнодорожному мосту, перекинутому через то ли реку, то ли пролив. Проехав минут пять после моста, поезд остановился на станции. Леонид подождал еще некоторое время, не зная, что делать: выходить на платформу или продолжать поездку? Судя по всему, это была конечная станция и поезд дальше ехать не собирался. Молодой человек взял в руки

свой портфель и с опаской вышел на перрон. За ним сразу же захлопнулись двери вагона, и поезд поехал обратно, через мост, в сторону высокой скалы. Леонид проводил взглядом состав, тот приостановился перед железными воротами, закрывающими туннель в скале, створки ворот раскрылись, проглатывая поезд, и снова наглухо закрылись. Прошло еще пару минут, пока Лео окончательно пришел в себя от потрясения:

– Ну, и где это я оказался? – подумал он в недоумении.

Он стоял один, непонятно где, в абсолютно незнакомом ему месте. В тот момент, когда железные ворота сомкнулись, он ощутил себя отрезанным от знакомого ему мира, и это было жутковато.

Леонид осмотрелся вокруг. Он стоял на узком перроне. Здание станции выглядело запущенным, между бетонными плитками пола пробивались растения, часть окон были разбиты, дверь висела набок на одной петле. Стены были покрыты надписями, которые проклинали и призывали уничтожить какого-то УНИКУМА. Рельсы по всей длине полотна были покрыты ржавчиной. Все говорило о том, что станция была заброшена и не функционировала уже много лет.

Через несколько сот метров от станции виднелись дома, общественные здания, которые также выглядели довольно запущенными, хотя и не заброшенными. Были заметны признаки проживания людей в этом небольшом городе или, возможно, районе города – со станции нельзя было увидеть границы поселения. На невысоком холме виднелась бетонная башня, а через несколько сот метров от нее – еще и железная. Эти башни были похожи на телевизионные или радиотрансляционные вышки. На дорогах города на было видно ни личных машин, ни общественного транспорта. Присмотревшись, Лео заметил людей. Издалека было сложно рассмотреть их, но видно было, что двигались они хаотично, не так, как обычно: не было ни

потоков людей вдоль тротуаров, ни прерывистых движений по пешеходным переходам. Ощущение было странное. Было очевидно, что когда-то, не так давно, может, несколько месяцев назад, город жил обычной жизнью, но что-то произошло с его жителями, и эта обычная жизнь города как-то нарушилась.

– Где я нахожусь? Что это за город? Что произошло здесь? И вообще, каким образом я тут очутился? Какая сила меня привела сюда и с какой целью?

Но на этот поток вопросов к самому себе не было никакой возможности ответить.

Разглядывая издали город, Леонид постепенно осознал, что ему становится все сложнее концентрироваться на своих мыслях. То ощущение наплыва чужих мыслей, что сопровождало его сегодняшним утром, вновь захлестнуло его. Он оглянулся и заметил, что вокруг него начинают собираться какие-то странные люди.

Постепенно его окружила небольшая толпа из нескольких десятков человек, которые внимательно разглядывали его. Одеты они были по-разному: некоторые в строгую, относительно аккуратную одежду, большинство же – в абсолютное рванье, как бездомные. Головы тех, что выглядели аккуратно, были покрыты сплошными металлическими шлемами. Некоторые носили головные уборы, увенчанные металлической сеткой. Те же, что выглядели бомжами, вообще ходили с непокрытой головой и как-то странно улыбались, молча шевеля губами.

Леонид обратился к ним:

– Здравствуйте, я сюда приехал на поезде, но, по правде говоря, я совершенно не понимаю, где нахожусь. Мне бы добраться до дома, но мой поезд уехал, и я не знаю когда будет следующий. Не подскажете, как мне уехать отсюда?

Но никто из этих людей не произнес ни слова. Они продолжали внимательно, с подозрением разглядыв-

вать его. А некоторые из них нагло, не таясь, с большим интересом уставились на его портфель. Казалось, еще секунда – и они набросятся на него, разденут, заберут все его вещи и, возможно, ради этих вещей еще и прибьют его. От этой мысли его бросило в дрожь. Повторные обращения к ним также ни к чему не привели.

– Не понимаю, я что, оказался в городе глухонемых идиотов? – подумал Леонид. И в этот момент он впервые решил воспользоваться своей вновь открывшейся способностью понимать мысли других людей.

Однако, присмотревшись к ним, он заметил странную закономерность. Мысли оборванцев, что стояли вокруг него с непокрытыми головами и глупо улыбались, были такими неоформленными, отрывочными, путанными, что невозможно было четко понять, о чем они думают в данный момент. А солидные люди, на которых были надеты сплошные металлические шлемы, пристально смотрели на него, но он не мог понять, о чем они думают.

– Видно, неспроста они надели эти стальные шапочки, а для того, чтобы защититься от проникновения чужих мыслей.

Но все же в какой-то мере он смог ощутить, что волнуется этих людей. Судя по всему, они пришли сюда, увидев прибытие поезда, и теперь спрашивали себя:

– Что произошло, если впервые за несколько месяцев на их остров («а, это, оказывается, остров», – подумал Леонид) прибыл состав, высадил какого-то чужака и вновь исчез в закрытом воротах туннеле?

Понять-то Леонид их понял, но ответить им не мог. Ведь он и сам не знал, как попал сюда и зачем.

Покрутившись еще некоторое время на платформе, эти люди, так и не удовлетворив свое любопытство, быстро потеряли всякий интерес к его персоне и постепенно разошлись, оставив Лео одного. Лишь группа бомжей застыла на некотором расстоянии от него, очевидно, опасаясь напасть на него в присутствии других.

Они зашли за угол здания станции и продолжали нагло и жадно рассматривать Лео, что очень его беспокоило.

Эта встреча внесла в его душу еще большую сумятицу и беспокойство. Но время приближалось к полудню, и Леонид, будучи человеком с практическим складом ума, решил:

– Все это хорошо, но, пожалуй, мне не удастся сейчас разгадать эти шарады и головоломки. В данный момент я не вижу реальной возможности сразу же вернуться домой, а поэтому нужно подумать о безопасном укрытии, об отдыхе, обеде. Эти туземные островитяне явно не отличаются гостеприимством, а потому придется мне решать проблемы самому.

ГЛАВА 3

Он давным-давно, еще с детского дома, знал, что в любой ситуации, какой бы она ни была опасной или странной, он мог рассчитывать только на себя, на свои силы, на свой разум. А поэтому решил действовать спокойно и основательно. Он раскрыл свой выдавший виды и передраги портфель, вытащил небольшой термос с кофе и пакет с бутербродами с вареной колбасой. Привычка выходить из дома с «тормозком» у него выработалась давно, с тех пор как его несколько раз посылали с инспекцией на строительные объекты и он оставался голодным в течение всего дня. С аппетитом перекусив, он почувствовал себя гораздо лучше. Убрав обратно в портфель термос и оставшийся «про запас» бутерброд, Леонид вытащил широкий блокнот и ручку и стал записывать план предстоящих действий:

– Самое главное: нужно внимательно осмотреть остров. Может быть, есть еще возможность хоть как-то уехать: по воздуху, на корабле или по автомобильному мосту. Я не собираюсь застревать в этом Богом забытом месте, населенном странными глухонемыми, неопрятными идиотами, да еще и обладающими телепатическими способностями. Если они кому и интересны, то уж точно не мне. У меня есть свой дом, своя работа. Хорошо бы свалить отсюда еще сегодня, а если не получится, то надо найти временное жилье и пропитание.

Он проверил деньги в кошельке, наличие банковской карточки.

– В конце концов, сейчас даже в самых диких местах можно найти банкомат, а за наличные деньги

можно в любой дыре решить все проблемы с жильем и с продуктами и найти подходящий транспорт, чтобы добраться до дома.

Леонид не привык пасовать перед трудностями и твердым шагом направился от станции в сторону ближайших домов. До них было около километра, но настроение было бодрое, цели ясны. Приблизившись, он заметил, что на окраинах города были частные дома, скрытые высокими заборами, укрепленные деревьями, кусками кровельного железа, и бетонными блоками. По верху заборов были накручены мотки колючей проволоки. Сами заборы были «украшены» теми же грубо намалеванными ругательствами, проклятьями и угрозами в адрес таинственного УНИКУМа. Позади рядов частных домов с высокими заборами стояли полуразрушенные многоэтажки с выбитыми стеклами, во многих окнах зияли дыры без оконных рам.

Леонид подошел к ближайшему частному дому и, не найдя электрического звонка или домофона, стал стучать кулаками в железную дверь, рассчитывая расспросить местного жителя об имеющихся в городе транспорте и банках. В ответ на его стук раздался громкий и низкий собачий лай. Судя по всему, дом охранял большой и злобный пес. Леонид продолжил громко стучать в ворота, стараясь перекрыть лай собаки. И лишь по прошествии трехминутного непрерывного стука в воротах приоткрылось маленькое окошко и на Леонида взглянул суровый мужчина лет пятидесяти, голову которого прикрывал сплошной металлический шлем. Внимательно оглядев Лео, человек немного приоткрыл створку ворот и, с трудом удерживая рвущегося с поводка пса, замахнулся на Леонида палкой, всем своим видом показывая, что непрошенный гость должен немедленно проваливать.

Лео попытался, четко артикулируя и жестикулируя, объяснить свои добрые намерения и свои просьбы к хозяину. Он надеялся, что сможет убедить этого су-

рового мужчину в том, что он ему не угрожает, а напротив, нуждается в его помощи. Но все эти потуги ни к чему не привели. Лицо этого типа становилось все более угрожающим, еще минута – и он спустил бы с цепи беснующегося пса. А потому Лео ничего не оставалось, кроме как поспешно отойти от ворот дома.

Лео все понял и без слов. Судя по виду других частных домов, надеяться на помощь не приходилось, и Леонид направился вглубь города.

Оглядевшись, он заметил, что еще несколько месяцев назад это был благоустроенный, уютный жилой район города. Между добротными когда-то домами были разбиты уютные скверики, проложены дорожки, располагались детские площадки. В чём в чём, а в строительстве и планировании жилых районов он знал толк. Сейчас он видел вокруг лишь признаки разрушения, запустения, но пока еще до полного развала не дошло. Что-то страшное произошло и, по-видимому, не так давно, может, несколько месяцев назад – и былой уют спального района для жителей среднего класса нарушился.

Этот район не был полностью оставлен жителями, были видны следы их жизнедеятельности: горы мусора посреди бывших скверов, не так давно обгоревшие деревянные двери квартир и оконные рамы на месте детских песочниц. У Леонида, который был педантом в плане чистоты и порядка и в своей квартире, и на строительных участках, все это вызывало гнев, раздражение, омерзение. Самих жителей он тоже увидел издалека. Казалось, они бесцельно двигаются поодиночке или небольшими группами, некоторые из них что-то ломали, другие копались в мусоре, наверное, для того, чтобы найти что-то съестное или полезное для себя.

Тогда он направился в сторону, как он понял, центра города, полагая, что возможно, там сохранились хоть какие-то признаки цивилизованной жизни.

Людей на улицах было немного, все они были заняты исключительно собою, своим выживанием и, каза-

лось, никому до него нет дела. Леонид, не оглядываясь по сторонам, направился вдоль широкого бульвара. Внезапно странное существо, одетое в грязные лохмотья, возникло прямо перед его носом. Это был молодой мужчина примерно того же возраста, что и Лео. Его длинные волосы были грязными и свернулись в паклю, одежда, когда-то приличная, сшитая из добротной ткани, была порвана в нескольких местах. От неожиданности Леонид остановился и увидел рядом с ним молодую женщину, потерявшую всю былую красоту и выглядывшую, как вконец опустившаяся бомжиха.

Оборванец протянул руку к портфелю и потянул его на себя. Лео крепче сжал ручку и толкнул мужчину в грудь. Дикарь не выпустил портфеля Леонида, из его груди вырвался какой-то животный крик и кто-то, наверняка та женщина, сильно ударил Леонида сзади чем-то тяжелым по голове. Лео свалился на бок и сквозь затуманенное сознание увидел, словно в замедленной съемке, как женщина, с ожесточением разорвав его портфель, обнаружила в нем пакет с оставшимся бутербродом и стала жадно есть. А парень вытащил из порванного портфеля термос, сорвал с него крышку и стал лить горячий кофе прямо себе в рот. Содержание термоса, видно, обожгло его. Мужчина отбросил термос и со злостью пнул Леонида в голову тяжелым ботинком. В этот момент Лео окончательно потерял сознание.

Постепенно к нему стало возвращаться сознание. Окончательно очнулся он оттого, что кто-то стал вытирать его лицо влажной тканью. С трудом, преодолевая головную боль, Лео приоткрыл глаза. Над ним склонилась молодая женщина. Он автоматически отметил, что голова ее была покрыта холщевой круглой шапкой, поверх которой была прикреплена тонкая металлическая сетка. Через несколько минут эта девушка и еще несколько мужчин занесли его внутрь какого-то здания, где его ранами занялся человек, похожий на врача.

ГЛАВА 4

Агнесса зашла в себе в комнату и попыталась осознать, что же произошло с незнакомцем:

– Самое важное: кто он такой? Он без шлема, но совершенно не похож на «диких», взгляд его осмысленный. Одет он, правда, немного по-особому, как будто не из нашего города и вообще не с нашего Острова. А может, это тот самый человек, что прибыл на поезде, про которого сегодня передали в нашем Альянсе? Я, честно говоря, поначалу не поверила, что после нескольких лет полного отключения от мира на Остров прибыл поезд, привез кого-то и Священная скала вновь закрылась навеки. Но об этом рассказали заслуживающие полного доверия члены руководства Альянса. Поэтому мне пришлось поверить. Этот человек ранен, «дикие» забрали у него еду и избили, у него на затылке рана от удара, но это не опасно для жизни. А что за отметина у него на лбу? Это не от удара. Она выглядит как какой-то знак; знак, который мне что-то напоминает...

Агнесса вспомнила тот далекий день, когда ей исполнилось двенадцать лет. Она – дочь Главного Ученого Острова, и сам Мудрейший пришел поздравить ее с днем рождения. Он принес ей в подарок настоящий, хотя и непрофессиональный микроскоп. Микроскоп был такой красивый, с яркой, блестящей медной трубкой, с отличными линзами. Мудрейший погладил ее по голове и одобрительно сказал:

– Агнесса, ты милая, умная девочка, я слышал от твоего папы, что ты делаешь большие успехи в школе, папа гордится тобой. Твой папа умнейший человек

на нашем Острове, я всегда восхищаюсь его мудрыми советами, его видению будущего, и я верю, что, когда ты вырастишь, ты даже затмишь его. Потому что так и должно быть, чтобы дети превосходили в своих достижениях родителей. У меня своих детей нет. Я решил для себя, что все жители нашего Острова и есть мои дети, каждый из вас мой самый дорогой ребенок. А сейчас, извини, мне надо поговорить с твоим папой о важных государственных делах.

И Мудрейший зашел в кабинет отца.

Агнесса очень гордилась своими родителями. Они познакомились, когда ее папа только закончил университет, а мама была еще студенткой. Отец занимался проблемами мозга, его функционирования. Аги нередко приходила в лабораторию отца, помогала ему в уходе за лабораторными животными: крысами и обезьянами, хотя ей было неприятно видеть милых обезьянок с вживленными в мозг электродами, помещенных в тесные железные клетки. После того, как ее отец нажимал на кнопки у себя на пульте, животные начинали истошно бегать и кричать или, наоборот, бездыханно лежали на полу клеток.

Агнесса помнит, как спрашивала отца:

– Папа, а что что за железки у обезьянок в голове, и почему они себя так странно ведут? Не как в городском зоопарке.

И отец ей терпеливо объяснял:

– Пойми, моя девочка, я не просто так делаю обезьянам больно, я с их помощью пытаюсь разгадать тайны человеческого мозга.

И от этих слов она наполнялась гордостью:

– Ни у кого из подружек нет такого отца, он не какой-нибудь там инженер, чиновник или банкир, он разгадывает величайшие тайны природы, и сам Мудрейший его высоко ценит.

Мама же Агнессы была прямой противоположностью отцу. Она была художницей, возвышенной на-

турой. Любила собирать в их доме всю творческую интеллигенцию Острова: художников, самодеятельных музыкантов, доморощенных поэтов, просто любителей искусства. Сам отец не любил эти встречи, называл их «бесполезной тратой времени и слов». В дни этих вечеринок он специально задерживался в лаборатории, чтобы не мешать жене и самому не раздражаться. Единственное, о чем он просил жену: чтобы на этих встречах не поднимались вопросы общественной жизни Острова.

Отмечать день рождения со сверстниками было неинтересно. Все их разговоры казались мелочными и пустыми. А ее распирала гордость, что сам Мудрейший зашел к ним домой. Ее отец, хотя и обладал совсем заурядной внешностью – невысокий, худой, с залысынами – и не выглядел как артист или герой, оказался одним из самых влиятельных людей на Острове и сам Мудрейший советуется с ним по самым главным вопросам.

Дверь в кабинет отца не была плотно закрыта, и Агнесса старалась как можно чаще проходить мимо. Девочке двенадцати лет было важно почувствовать, что и она приобщается к большим государственным делам. По отрывочным фразам в вечер ее дня рождения она поняла, что речь шла о настоящей революции в управлении народом Острова. Прежние методы управления, как они говорили между собой, стали неэффективными, и они решали, как им сделать так, чтобы все жители действовали, словно тысячи клеток одного мозга, связанных между собой и образующих один слаженный механизм.

В тот день Агнесса в первый и последний раз в жизни видела Мудрейшего вблизи. В течение нескольких лет до этого никто из простых жителей Острова не видел Мудрейшего с открытым лицом. В последние годы он не выступал публично, а на экранах телевизора всегда появлялся в надвинутом на лоб капюшоне пур-

пурного плаща, голос его менялся и звучал загадочно, таинственно, вызывая дрожь у любого зрителя и слушателя. Казалось, он стремился, чтобы никто из простых людей не заметил, что за долгие годы бессменного правления он начал стареть.

Агнесса запомнила Мудрейшего как человека с невыразительной внешностью, но с пронзительным взглядом. А еще она запомнила родимое пятно на лбу Мудрейшего, по размерам, форме и цвету очень напоминающее пятно на лбу чужака, которого она нашла несколько часов назад избитым, лежащим на земле без сознания.

ГЛАВА 5

Агнесса помнила, что после того ее дня рождения, на котором она познакомилась с Мудрейшим, отец был очень взволнован и даже возбужден. На следующий день Артемий позвал дочь и тихим, почти заговорщицким голосом сказал:

– Агнесса, девочка моя, ты уже не маленькая и я хочу поделиться с тобой своей радостью и гордостью. Понимаешь, мне, не политику, не генералу, а ученому, доведется участвовать в грандиозном проекте, который совершит настоящую революцию в жизни всех без исключения людей на нашем благословенном Острове. Ты единственный родной мне человек, которому я могу довериться, надеясь на понимание и адекватную оценку сделанного мною. Твоя мать, будучи художницей и романтической натурой, привыкла витать в облаках и жить в мире своих нереальных гуманистических идеалов. Она не понимает всей грандиозности замыслов нашего руководства, не понимает, что осуществление этих замыслов перевернет весь мир и наш маленький Остров станет примером для подражания для всего человечества. Мне необходимо поделиться теми чувствами, что нахлынули на меня, с родным человеком. Я верю, что ты поймешь меня. Ты похожа на меня, у тебя такой же, как у меня, волевой характер, такой же острый ум. И я верю, что ты будешь гордиться своим отцом.

Несколько лет спустя отец рассказывал ей, уже без всякой восторженности, о том заседании Сената, на котором программа была принята. Он доложил Му-